

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ПОЛИТИКА ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ОТКАЗНИЧЕСТВА ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.Б. Асташов

Кафедра истории России Нового времени
Российский государственный гуманитарный университет
ул. Никольская, 15, Москва, Россия, 109012

В статье анализируется проблема отказничества от военной службы по религиозным соображениям накануне и в годы Первой мировой войны, попытки и причины неудачи властей России решить эту проблему путем законодательных, административных и репрессивных мер. Проблема отказничества представлена на фоне антивоенного движения в армии и усилий властей и военного духовенства по религиозно-идеологическому обеспечению мировой войны.

Ключевые слова: мобилизация, отказничество от военной службы в России, антивоенное движение, религиозно-идеологическое обеспечение войны, Русская православная церковь.

Одним из стандартов национального государства является готовность к мобилизации общества в войне современного типа (1). Такая мобилизация включает создание массовой армии, «мобилизацию массового убийства», по выражению Дж. Санборна (2). Эта проблема особенно обострилась с вхождением России в эпоху войн и революций, в условиях участвовавших вооруженных внешних и внутренних конфликтов первых десятилетий XX в. Ее решение требовало организации и согласования усилий государства и общества по вопросам комплектования армии и идеологического обеспечения подготовки и ведения современной войны. Это включало в себя и решение вопроса о свободе совести в условиях существовавшей традиции сопротивления части населения вообще военной службе на основании народно-сектантского «разномыслия». Протест дополнялся общественным движением неприятия войны по религиозным соображениям. Предметом настоящей статьи и является недостаточно изученная полити-

ка властей в отношении отказничества от военной службы по религиозным соображениям.

Важнейшей задачей царского правительства в решении проблемы мобилизации было приспособление к ней существовавшей идеологии. Уязвимость православной идеологии в деле привлечения масс на военную службу выявилась уже во время подготовки закона о всеобщей воинской повинности. Власти были вынуждены сделать исключения из него для меннонитов, не принимавших саму идею воинской повинности по религиозным убеждениям. Это было вызвано необходимостью сохранения менонитской общины для решения хозяйственных вопросов, важных для государства (3). Однако вслед за этим еще ряд религиозных христианских (духоборы, евангельские христиане, баптисты и др.), а также религиозно-анархистские группы (толстовцы, малеванцы и др.) поставили вопрос о противоречии воинской повинности и религиозных убеждений. Ситуация стала обостряться с появлением гражданского пацифизма, в частности в рядах партии кадетов. Озабоченность властей вызывало и нарастание отказов от военной службы, исчислявшихся к началу XX в. десятками (4), что остро воспринималось на фоне нарастающего оппозиционного и революционного движения.

Власти осознавали проблему, но не могли найти ей решения. Не допуская отклонений от военной службы по религиозным убеждениям, они в то же время опасались разлагающего воздействия отказников на солдатскую массу. Отказников насильно посылали в дисциплинарные части и уже там судили по военным законам за неподчинение приказам. С 1896 г. отказников стали ссылать в Восточную Сибирь на 18 лет, то есть на весь срок службы, включая запас. После принятия закона о веротерпимости в 1905 г. отказников стали судить не за религиозные преступления, а по закону об «упорном отказе с целью совершенного уклонения от исполнения воинской повинности», приговаривая на срок 4–6 лет в каторжные работы или отдачу в исправительные арестантские отделения на тот же срок (ст. 125 Воинского устава о наказаниях). В 1911 г. в связи с угрозой большой войны власти стали (по ст. 127-1 Воинского устава о наказаниях) преследовать любые отказы от военной службы, избрав местом наказания для отказников дисциплинарные и исправительные военные части (5).

Проблема отказничества по религиозным убеждениям обсуждалась в Государственной Думе в 1912 г. в рамках подготовки нового закона о воинской повинности. Согласно поправке к ст. 45 проекта закона, предложенной кадетом А.И. Шингаревым, использовавшим материалы толстовца К.С. Шохор-Троцкого (6), лица, не желающие проходить военную службу по религиозным убеждениям, имели право на прохождение такой службы в нестроевых частях или в гражданских ведомствах на альтернативной службе, по типу меннонитов (7). Аргументация кадетов в пользу закона основывалась на защите принципов гуманности, свободы совести и одновременно на христианских идеях. При этом насильственная мобилизация лиц, отвергаю-

щих войну, объявлялась неприемлемой для христианского государства (8) и в то же время – «напрасной жестокостью», по выражению Шохор-Троцкого. Государственную аргументацию в пользу всеобщей воинской повинности при помощи православной концепции защиты веры кадеты отвергали, поскольку российское государство было «далеко от заветов Христа» (9). Кадетов поддержала и значительная часть октябристов, включая видного милитариста А.И. Гучкова. С их точки зрения, сведение всех антимилитаристов в особые отряды на военной службе или в гражданском ведомстве лишь оградит армию от ненадежного элемента. Этой же позиции придерживались в основном и в Военном министерстве (10).

Противники альтернативной службы в армии, в основном правые и некоторые представители военных кругов, утверждали, что принятие закона «откроет дырку» в законодательстве для любого рода антимилитаристов. Этим самым будет уничтожена воинская повинность, начнется «расстройство армии», массовый переход в секты (11). Правые вообще видели в защитниках отказников от военной службы всего лишь, по словам одного из руководителей Союза русского народа Н.Е. Маркова, «врагов, предателей и изменников» России и российской государственности (12).

Поправка Шингарева не прошла 131 голосом «против» при 55 голосах «за» (13). Но и поправка к законопроекту октябриста П.В. Каменского, предлагавшего двойной срок альтернативной службы по сравнению с действительной военной службой, также была отклонена 131 голосом против 88 (14). Либералам удалось лишь принять «пожелание» Государственной думы Военному министерству разработать закон об отбывании воинской повинности лицам, «вероучение коих запрещает употреблять оружие для пролития крови» (15).

В 1912 г. Особой междуведомственной комиссией при Главном управлении Генерального штаба был выработан соответствующий законопроект, по которому военная служба сроком в 4 года заменялась альтернативной службой сроком в 8 лет в рабочих командах лесного и других ведомств (16). Однако законопроект так и не был предложен на рассмотрение законодательных учреждений. Как писал Шохор-Троцкий Шингареву, «“государственный страх” оказался сильнее голоса совести». По существу, накануне Первой мировой войны власти не сумели решить на законодательном уровне проблему мобилизации общества с учетом соблюдения свободы совести. Военные годы лишь усугубили этот вопрос.

Идеологическую задачу мобилизации общества власти были вынуждены решать с помощью немногих инструментов, главнейшим из которых являлось военное духовенство. Этот период истории Русской православной церкви связан с деятельностью протопресвитера российской армии и флота Георгия Шавельского (17). Данные главы военного духовенства и литература, основанная на них, показывают большой размах работы его ведомства в деле религиозно-патриотической пропаганды (18). Имеется, однако, немало

данных о трудностях и проблемах религиозно-патриотической пропаганды в российской армии в годы войны. Дело было и в нехватке священников непосредственно в войсках (19), и в запасных батальонах в качестве военных священников, основная часть которых командировалась епархиальным начальством и не обладала специальной подготовкой в деле религиозно-патриотической пропаганды в армии и в тылу (20).

Вопрос о пропаганде в войсках крайне беспокоил и военные, и гражданские власти. Они были уверены, что именно антимилитаристская пропаганда «сектантов» является главной причиной волны сдач в плен, охватившей российскую армию в 1915 г. Во время войны противосектантская пропаганда получила второе дыхание. Теперь всех «сектантов» без разбора обвиняли в антирусской деятельности, ведущейся на деньги немцев с главной целью — подорвать православную веру (21). В православной печати разъяснялось, что народу «истинно христианскому» противостоит немецкая вера, тайными распространителями которой внутри России являются «сектанты» (баптисты, адвентисты и т.п.) (22). В связи с этим в начале 1915 г. было разослано через благочинных обращение к военному духовенству, чтобы они внимательно следили за попытками «сектантов» распространять среди воинов «свои вредные учения и принимали своевременно энергичные меры к прекращению их распространения» (23).

И во второй половине 1916 г. в антимилитаристской деятельности «сектантов» власти видели одну из главных причин упадка духа в российской армии. В июле 1916 г. Департамент полиции потребовал в секретном циркуляре губернаторам и градоначальникам усилить наблюдение за представителями «рационалистических сект» и пресекать пропаганду их «вероучения антимилитаристических идей». Одновременно директор Департамента духовных дел МВД просил Шавельского выявить центры такой пропаганды в войсках (24).

В соответствии с этим запросом были запрошены главные священники фронтов, а также благочинные армий, полковые и госпитальные священники. Однако главные священники всех фронтов дружно заявляли, что «сектантской пропаганды» на их фронтах «не замечено», за исключением тыловых районов в госпиталях общественных организаций и т.п. По их мнению, большинство рационалистических сект были не столько религиозные, сколько политические (25). В руководстве же военного духовенства продолжали видеть именно в деятельности «сектантов» главную причину антивоенных настроений (26).

Чтобы активизировать пропагандистскую деятельность против антимилитаристов на фронте, в декабре 1916 г. Синодом были прикомандированы в запасные части специальные агитаторы из духовных и светских лиц как «обладающие даром красноречия», в частности — инспектора некоторых духовных семинарий. Особенное внимание в инструкции проповедникам обращалось на необходимость «отпора сектантским лжеучениям». Для

вящей убедительности некоторые академические миссионеры являлись слушателям не в рясе, а в военном мундире (27).

Главной проблемой проповеди на фронте были, однако, не успехи или недостатки пропаганды военного духовенства, а нехватка религиозного чувства у солдат, которым эта боевая православная философия была «позаоблака», как выразился в письме один солдат (28). Военному духовенству во главе с Шавельским не удалось с помощью административных усилий, личной активности фронтовых священников, используя новейшие на то время достижения духовной пропаганды, мотивировать участие громадной массы солдат российской армии, активно не приемлющих по самым разнообразным причинам идею тотальной мобилизации, самого пребывания на фронте в годы мировой войны. Несмотря на усилия многих священников на фронте, высоко оцененные царем (29), военное духовенство не смогло долгое время поддерживать высокий морально-боевой дух войск, успешно бороться с массовым дезертирством и революционными настроениями среди солдат (30).

Проблемы с организацией религиозно-патриотической пропаганды посредством существовавших механизмов военного духовенства дали возможность отказникам по религиозным соображениям резко активизировать свою деятельность. Основным контингентом отказников были многочисленные христианские группы инославных вероисповеданий («сектанты»). Не все «сектанты» были против войны. Однако часть их, стоявшая на рационалистических, анархических, антигосударственных позициях – малеванцы, духоборы, толстовцы, «духовные христиане» – занимали резко антивоенную позицию прямого отказа от военной службы (31). Отказничество в годы Первой мировой войны явилось «звездным часом» этой религиозно-анархической ветви русского религиозно-общественного движения. Тысячи человек получили возможность «пострадать за Христа» (32).

Отказники заявляли, что их деятельность обусловлена учением Христа, не позволяющим убивать кого-либо, даже врага (33). Они не только проявляли готовность понести страдания за свои убеждения, но и стойко переносили всевозможного рода издевательства и мучения (34). Как правило, на судебных процессах отказников приговаривали к 12 годам каторги. Всего за время с момента объявления войны и до 1 апреля 1917 г. было осуждено только военно-окружными судами 837 чел. по статье 127-1 (35), хотя привлечено к суду было несколько тысяч (36). В самой же армии, согласно письму Г. Шавельского в Ставку в январе 1917 г., случаев открытого отказа братья за оружие были «тысячи» при том, что на такое открытое противление войне отваживались далеко не все потенциальные отказники. Расхождение с официальными цифрами судебных дел по отказу от военной службы Шавельский объяснял практикой войскового начальства не доводить дел до суда, а применять обычные дисциплинарные взыскания в своей части с последующим направлением сектантов в тыл, для обозной и санитарной службы (37).

Духовные власти крайне беспокоила замедленность реакции на местах на проповедь отказничества. Как правило, отказники могли долго проводить свою открытую агитацию непосредственно в войсках (38). Проповедь отказников встречала явное сочувствие со стороны солдат, чего не было при отказах в конце XIX в. (39). Иногда со стороны офицеров отказники чувствовали «предупредительное» отношение. Бывали случаи, когда единичный отказ от военной службы вновь прибывшего новобранца вел к цепочке отказов среди солдат и даже офицеров. Были случаи, когда отказ являлся поводом для демонстрации военнослужащими, включая офицеров, проявления «антипоповских» настроений (40). Отказники вообще мало встречали противодействия своим взглядам со стороны населения, общества, за исключением интеллигентных воинственных добровольцев (41). Даже в военно-окружных судах среди состава судей отказники находили определенное сочувствие (42).

Деятельность отказников усилилась накануне Февральской революции, в частности в войсках Петроградского гарнизона (43). Во всяком случае, И.М. Трегубов и другие антимилитаристы рассматривали своей заслугой Февральскую революцию как форму мирного, «бескровного» протеста в первую очередь против войны в виде «военной забастовки» (44). Трегубов приписывал сектантам-отказникам важную роль в подготовке восстания петроградского военного гарнизона. По его словам, именно они распропагандировали гвардейские полки Петрограда, что привело к их «братанию» с рабочими, а затем и к успеху всего «бескровного» восстания (45). Февральская революция представляла, таким образом, апогей ненасильственной формы всеобщего неповиновения как части общеполитической стачки, проповедовавшейся Трегубовым еще со времени первой русской революции (46).

И все же было бы неверным объяснять именно деятельностью отказников нарастание антивоенных настроений в армии. В десятках тысяч выдержек писем с фронта, просмотренных цензурных дел по всем фронтам российской армии насчитывалось всего несколько случаев упоминаний личных настроений в духе отказничества. Но в этих делах не зарегистрированы случаи самих отказов в войсках, и тем более влияние таких инцидентов на солдатскую массу (47). Антимилитаристская деятельность отказников могла быть успешной только на волне антивоенных настроений солдат, что объяснялось целым комплексом причин социально-экономического, социокультурного, ментального порядка (48).

Революция 1917 г. предоставила новые возможности для деятельности отказников. После объявленной 17 марта 1917 г. амнистии лицам, пострадавшим по религиозным мотивам, власти захлестнул поток заявлений, в которых «свобода совести», «свобода религиозных убеждений» представляла как свобода от любых общественных обязанностей, как типичный пример религиозно-нравственного анархизма (49). Новые власти, считавшие, что

провозглашенные свободы будут способствовать патриотическим настроениям в продолжающейся войне, оказались в растерянности. Старая ст. 127-1 Воинского устава о наказаниях продолжала действовать (50). На местах большинству отказников, отпущенных из тюрем, было заявлено о необходимости явиться на военную службу. При этом военное начальство требовало разъяснения ситуации: они не решались предавать суду отказников и в то же время сообщали, что те «смущают» остальных солдат, «вносят беспорядок» в армию (51).

В этой ситуации большую деятельность развили толстовцы В.Г. Чертков и особенно К.С. Шохор-Троцкий. Уже в марте Шохор-Троцкий встретился с министром юстиции А.Ф. Керенским, договорившись о представлении правительству проекта закона об альтернативной службе. Шохор-Троцкий и Чертков посетили главного военного прокурора генерала В.А. Апушкина, представив ему экземпляр соответствующего законопроекта. Получив указания на изменения в проекте, они обязались в скором времени представить его новую версию в виде докладной записки в правительство (52). Докладная записка содержала новации, не встречавшиеся даже в проекте А.И. Шингарева в Государственную думу.

В записке предполагалось освобождение от военной службы лиц, отказывающихся служить в армии не только по религиозным, но и по нравственным мотивам. Сам отказ принимался как при поступлении в армию, так и во время нахождения в ней. Применение дисциплинарных мер к отказникам не допускалось. Отказникам предоставлялось право проходить службу в армии на нестроевых должностях. Для упорствующих в своем отказе назначалась экспертиза их религиозно-нравственных убеждений в особых Комитетах по распределению лиц, по совести не приемлющих военной службы. В случае прохождения экспертизы комитет направлял такого отказника для несения общественно полезной службы (по помощи нуждающемуся населению, в лесных командах, работах по расчистке земель и т.п.).

4 пункт записки уважал также право отказа от любой службы и право вернуться «к трудовой деятельности». Следующие пункты записки предусматривали полное освобождение от службы в армии тех, которые даже самую экспертизу в «комитетах по совести» считали неприемлемой. Правда, власти давали бы шанс таким людям испытать их анархические идеалы в местностях, где «слабое развитие государственности будет в большем соответствии с отрицанием такими лицами государственной формы, а условия жизни требуют приложения труда и силы духа», то есть на окраинах страны. В этом случае правительство обеспечивало бы таким лицам переезд и подъемные (53).

Такое видение свободы совести и убеждений со стороны радикалов-толстовцев оказалось серьезным испытанием для ряда деятелей Временного правительства, еще недавно стоявших на подобных позициях. Для разъяснения своих взглядов Шохор-Троцкий был приглашен в Главный штаб (54). В результате всесторонних обсуждений с юристами Главного штаба и Глав-

ного военно-судебного управления (ГВСУ) был снят пункт 4 записки; ее основные положения были сведены к проекту Шингарева 1912 г. с добавлением экспертизы убеждений отказников в «комитетах по совести». Именно такой вариант докладной записки обсуждался в особом совещании, образованном при ГВСУ из представителей военного, морского и военно-судебного ведомств, профессуры и Министерства юстиции в заседании 8 мая 1917 г.

Совещание хотя и отменило статью 127-1, однако не решилось принять весь законопроект, как и учреждение «комитетов по совести» (55). Вопрос был передан для доклада Временному правительству, которое в своем заседании 28 мая отложило его рассмотрение до принятия общего закона о лицах, «по совести отказывающихся от участия в военной службе». Но одновременно правительство постановило предоставить Военному ведомству воздержаться от привлечения к ответственности отказников. В этом же духе на места был разослан циркуляр военным прокурорам всех военно-окружных судов (56).

Наконец, 15 июня Главный штаб издал приказ не увольнять из войск солдат, отказывающихся по своим религиозным убеждениям от несения военной службы, но при этом использовать их «в обстановке, исключающей ношение и употребление в дело оружие» (57). На недоуменные вопросы с мест, продолжает ли действовать статья 127-1, ГВСУ разъясняло, что статья действует, но возбуждение дел по ней нежелательно, «как в виду особых условий переживаемого момента, так и в виду того обстоятельства, что статью эту в ближайшем будущем предположено изменить» (58).

Тем временем отказники, которых нельзя было ни изъять из армии, ни подвергнуть наказанию, продолжали вести откровенную агитацию, увеличивая число противников войны по убеждениям. На это указал 24 июня в своем письме Керенскому Верховный Главнокомандующий российской армией А.А. Брусилов, отказавшись приказом по армии ввести в действие постановление Главного штаба от 15 июня. Брусилов просил главу правительства о «самом тщательном и всестороннем» обсуждении вопроса (59). Опираясь на решение Брусилова, МВД отмечало, что, «хотя и необходимо обеспечивать с одной стороны полную свободу совести каждого гражданина в отношении исполнения им обязанностей по защите государства, однако надо вместе с этим противодействовать, с другой стороны, в интересах последнего антимилицаристическим течениям». Кроме того, в Главном штабе поставили вопрос о преимуществах для отказников, в то время как закон должен был быть для всех одинаков (60).

Нахлынувшие вскоре июльские события отодвинули саму возможность решения вопроса об альтернативной службе. Временное правительство затягивало решение этого вопроса, несмотря на настойчивые просьбы представителей отказников и военных властей на местах, оказавшихся перед неразрешимым противоречием (61). Это противоречие заключалось в самом по-

нимании деятелями революции 1917 г. безбрежной свободы в качестве главного стимула мобилизации общества в войне. Революционная же демократия, солдатско-матросская масса, вообще подавляющее большинство населения ценили только социально-политические преобразования, борьба за которые лишь начиналась, а мобилизация общества в мировой войне этому мешала.

В целом деятелям революции 1917 г. не удалось решить проблему мобилизации общества на основе идеалов свободы совести и убеждений. Указанная проблема досталась в наследство большевикам, пытавшимся приспособить некоторые из идей анархо-пацифизма для дела строительства коммунизма (62), освободив членов групп от воинской службы (63). В армиях же «белых» продолжалась линия использования православной идеологии для сплочения населения с оправданием насилия против «большевиков-безбожников» (64).

Таким образом, ни царскому правительству, опиравшемуся на консервативную идеологию и силовые методы, ни Временному правительству, опиравшемуся на представления о силе «революционных» идей в вопросе мобилизации общества, не удалось справиться с проблемой отказничества по религиозным соображениям. До революции противоречивая идеология православия, лежавшая в основе религиозно-патриотического обеспечения войны, не давала возможности сделать ее эффективным инструментом этой пропаганды. Наоборот, она облегчала деятельность разного рода «сектантов-антимилитаристов». Эффективность религиозно-патриотической пропаганды не смогла повысить во время мировой войны даже высокая активность военного духовенства, в то время как пропаганда религиозного пацифизма усиливалась на фоне широкого распространения антивоенных настроений, как на фронте, так и в тылу.

После февраля 1917 г. отказники использовали провозглашенные новыми властями идеалы свободы, включая свободу совести и нравственности. Это дало еще больше оснований для деятельности религиозного анархизма, пресечь которую власти, оставаясь на революционно-либеральных позициях, были не в силах.

Главными причинами неэффективности морально-идеологических средств обеспечения мобилизации общества в современной войне, как при царизме, так и после Февраля 1917 г., явились недостаточный учет социальных чаяний широких масс населения, антивоенные настроения, что и послужило питательной почвой для деятельности отказников. Эти аспекты мобилизации общества попыталась учесть советская власть в рамках уже другого социально-политического проекта, используя другие идеологемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (10) *Horn J.* Introduction: Mobilization for «total war», 1914–1918 // *State, society and mobilization in Europe during the First World War.* – Cambridge; N.Y., 1997. – P. 2.
- (2) *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. – DeKalb, 2003. – P. 4.

- (3) *Нелипович С.Г.* Альтернативная служба в России во время Первой мировой войны // *Российская государственность XX века*. – М., 2001. – С. 133–141.
- (4) См. подробную справку об отказах, составленную толстовцем К.С. Шохор-Троцким: ОР РГБ. – Ф. 345. – К. 41. – Д. 11. – Л. 10–17; *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation... – P. 183–184.
- (5) ОР РГБ. – Д. 21. – Л. 41–42.
- (6) Там же. – Д. 11. – Л. 17; Д. 21. – Л. 50.
- (7) Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. – СПб., 1912. – Сессия V. – Ч. II: Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). – Стб. 1160–1165.
- (8) Там же. – Стб. 1172–1173.
- (9) Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. – Сессия V. – Ч. II. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.) – СПб., 1912. – Стб. 372–376.
- (10) Там же. – Стб. 389.
- (11) Там же. – Стб. 387–390; Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. – Сессия V. Часть II. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.) – СПб., 1912. – Стб. 1166, 1174, 1178–1179.
- (12) Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. – Сессия V. – Ч. II. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.) – СПб., 1912. – Стб. 376–377, 380–381.
- (13) Там же. Заседания 42–83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). – СПб., 1912. – Стб. 1182.
- (14) Там же. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.) – СПб., 1912. – Стб. 287–290, 386.
- (15) Там же. – Стб. 386–387, 395.
- (16) РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 19. – Д. 183. – Л. 42–44 об.
- (17) *Кульчицкий А.М.* Военное духовенство и I Мировая война. Реформы отца Георгия Шавельского / Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт. – М., 2000 (Рукопись).
- (18) *Шавельский Г.*, протопр. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – М., 1996. – Т. 2. – С. 93; *Поляков Г.* Военное духовенство России. – М., 2002. – С. 281; *Костриков А.А.* Военное духовенство и развал армии в 1917 году // *Церковь и время*. – 2005. – № 2. – С. 144; РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 1972. – Л. 98; *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // *Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка*. – М., 2008. – С. 752–753; *Сенин А.С.* Армейское духовенство России в первую мировую войну // *Вопросы истории*. – 1990. – № 10. – С. 159–165; *Фирсов С.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. – СПб., 1996. – С. 550; *Вестник военного и морского духовенства (ВВМД)*. – 1914. – № 20. – С. 693–698; 1915. – № 2. – С. 39; № 22. – С. 681; *Кандидов Б.* Церковный фронт в годы мировой войны. – М., 1929. – С. 23, 88.
- (19) *Капков К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства: Справоч. мат.-лы. – М., 2008. – С. 39–40; *Шавельский Г.* Воспоминания... – С. 93.
- (20) РГИА. – 806. – Оп. 5. – Д. 9254. – Л. 31; Д. 9463. – Л. 34; Д. 9254. – Л. 35, 46–47, 52, 64, 70–71; Д. 9904. – Л. 111–114; РГВИА. – Ф. 801. – Оп. 28. – Д. 28. – Л. 9; *Костриков А.А.* Военное духовенство... – С. 147–153; *Шавельский Г.* Воспоминания... – С. 270.
- (21) *Космодамианский П.* Штундобаптизм пред судом современных событий. – Тамбов, 1915. – С. 14, 30–33; *Афанасий*, архим. Об отсутствии патриотизма у штундо-баптистов. – Харьков, 1915. – С. 9–13; *Иванов Д.Л.* О войне и воинском звании (критический разбор учения русских сектантов-рационалистов о войне и воинском

- звании). К миссионерской полемике. – Пг., 1915; *Кальнец М.А.* Война и сектанты. – Одесса, 1916.
- (22) *Восторгов И.* Вражеский духовный авангард. «Немецкая вера». К вопросу о сущности русского сектантства. – М., 1914. – С. 1–4, 7.
- (23) РГИА. – Ф. 806. – Оп. 5. – Д. 10005. – Л. 4–4 об.
- (24) РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 15. – Д. 4562. – Л. 93–93 об.; РГИА. – Ф. 806. – Оп. 5. – Д. 10005. – Л. 1–1 об.
- (25) РГИА. – Ф. 806. – Оп. 5. – Д. 10005. – Л. 5–5 об.; 7–7 об., 9–9 об., 11–12 об.
- (26) *Шавельский Г.* Воспоминания... – С. 270–271.
- (27) РГИА. – Ф. 806. – Оп. 5. – Д. 10016. – Л. 7–7 об., 13, 16–17, 25–26 об., 33–33 об.
- (28) РГВИА. – Ф. 2067. – Оп. 1. – Д. 3845. – Л. 307.
- (29) ВВМД. – 1915. – № 22. – С. 680.
- (30) *Байрау Д.* Фантазии и видения... – С. 766–767; *Мозговой С.А.* Военное духовенство // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 208.
- (31) *Бонч-Бруевич В.* Из мира сектантов: Сб. ст. – М., 1922. – С. 234–235, 242.
- (32) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 312–314, 325–329; ОР РГБ. – Ф. 345. – К. 41. – Д. 122. – Л. 1–1 об.; РГВИА. – Ф. 801. – Оп. 18. – Д. 14. – Л. 30, 34–36, 63–65.
- (33) *Булгаков В.* Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого. – М., 1917. – С. 75; РГВИА. – Ф. 801. – Оп. 18. – Д. 14. – Л. 23; ОР РГБ. – Ф. 345. – К. 41. – Д. 21. – Л. 20–21.
- (34) См. примеры такого поведения: ОР РГБ. – Ф. 345. – К. 41. – Д. 21.
- (35) *Кандидов Б.* Церковный фронт... – С. 151.
- (36) ГМИР. – Ф. 2. – Оп. 10. – Д. 178. – Л. 1–71; РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 312–314, 325–329.
- (37) РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 8072. – Л. 2–4.
- (38) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 325.
- (39) ОР РГБ. – Ф. 345. – К. 54. – Д. 43. – Л. 37 об., 76; *Свенцицкий В.*, священник. Война и Церковь. – Ростов-на-Дону, 1919. – С. 4; *Попов Е.И.* Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. – Purleigh, 1898. – С. 40.
- (40) ОР РГБ. – Ф. 345. – К. 54. – Д. 43. – Л. 37 об., 75, 87 об.; Д. 48. – Л. 22; К. 57. – Д. 20. – Л. 21.
- (41) ОР РГБ. – Ф. 345. – К. 54. – Д. 43. – Л. 29 об.
- (42) *Рашковская М.А., Рашковский Е.Б.* «Милые братья и сестры...» Страницы истории толстовского движения 1914–1917 // Религии мира. История и современность: Ежегодник 1989–1990. – М., 1993. – С. 154–155, 160–161.
- (43) *Трегубов И.М.* Сектанты коммунисты // Коммунисты и сектанты. – М., 1919. – С. 8; 7-й Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет (5–9 декабря 1919 г., Москва). – М., 1920. – С. 274–276.
- (44) *Булгаков В.* Лев Толстой и наша современность (о путях к истинному возрождению). – М., 1919. – С. 10; *Клибанов А.И.* Сектантство и строительство вооруженных сил Советской республики (1918–1921 гг.) // *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство и современность (Социологические и исторические очерки). – М.: Наука, 1969. – С. 199–200; *Рашковская М.А., Рашковский Е.Б.* «Милые братья и сестры...»... – С. 158–159.
- (45) *Трегубов И.М.* Речь на 2-м Пленуме международного крестьянского совета (Крестинтерна) в апреле 1920 г. // ГМИР. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 4–5.
- (46) Согласно версии И.А. Гордеевой, именно под влиянием идей И.М. Трегубова священник Гапон организовал акцию 9 января 1905 г. См.: *Гордеева И.А.* Георгий Га-

пон, Иван Трегубов и идея всеобщей мирной стачки: к интеллектуальной истории политических проектов религиозной общественности // *Революционаризм в России: символы и цвета революции. 100-летию первой русской революции посвящается*: Сб. ст. – М., 2005. – С. 41–61.

- (47) См. дела военно-цензурных отделений с докладами и выдержками писем с фронта по Северному фронту: РГВИА. – Ф. 2031. – Оп. 1. – Д. 1180–1185; по Западному фронту: РГВИА. – Ф. 2048. – Оп. 1. – Д. 904; по Юго-Западному и Румынскому фронтам: РГВИА. – Ф. 2067. – Оп. 1. – Д. 2933–2938, 3853, 3856, 3862, 3863, 3868.
- (48) *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004; *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // *Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль*. – М., 1997; *Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии)*. – М., 2010. – С. 3–8.
- (49) РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 19. – Д. 183. – Л. 14–16 об., 146–146 об., 150; Ф. 801. – Оп. 18. – Д. 14. – Л. 10, 106; Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 1251. – Л. 47, 73–76 об.
- (50) РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 1251. – Л. 12–13.
- (51) Там же. – Ф. 801. – Оп. 18. – Д. 14. – Л. 2–8; Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 1251. – Л. 5–8, 11–11 об.
- (52) Там же. – Ф. 801. – Оп. 18. – Д. 14. – Л. 52; ОР РГБ. – Ф. 345. – К. 41. – Д. 13. – Л. 62.
- (53) *Чертков В., Шохор-Троцкий К.* Докладная записка об отношении к отказывающимся по религиозным побуждениям от военной службы. – М., 1917; РГВИА. – Ф. 801. – Оп. 18. – Д. 14. – Л. 25–36, 44–50; Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 1251. – Л. 59–67.
- (54) РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 19. – Д. 183. – Л. 125–125 об.
- (55) Там же. – Ф. 801. – Оп. 18. – Д. 14. – Л. 68–70; Ф. 400. – Оп. 19. – Д. 183. – Л. 17–19.
- (56) Там же. – Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 1251. – Л. 17; Ф. 801. – Оп. 18. – Д. 14. – Л. 83, 85–85 об.
- (57) Там же. – Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 1251. – Л. 41–41 об.
- (58) Там же. – Л. 39–39 об.
- (59) Там же. – Ф. 400. – Оп. 19. – Д. 183. – Л. 48–48 об.
- (60) Там же. – Л. 42–44 об., 129–130 об.
- (61) Там же. – Л. 65, 86–86 об.; Ф. 801. – Оп. 18. – Д. 14. – Л. 112–112 об.
- (62) См. рассуждения И.М. Трегубова о двух линиях в коммунизме, насильственной и ненасильственной, созидательной, использовавшей сектантов для строительства социализма, а также всемирной «военной забастовке»: *Трегубов И.М.* Сектанты коммунисты // *Коммунисты и сектанты*. – М., 1919. – С. 5; «Борьба с войной и с ее виновниками». *Трегубов И.М.* Речь на 2-м Пленуме международного крестьянского совета (Крестинтерна) в апреле 1920 г. // *ГМИР*. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 12.
- (63) О феномене сотрудничества большевистских властей с сектантами-антимилитаристами см.: *Клибанов А.И.* Сектантство и строительство...; *Эткинд А.* Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // *Минувшее: Исторический альманах*. – № 19. – М.; СПб., 1996. – С. 275–319.
- (64) *Свенцицкий В.* Война и церковь. – Ростов-на-Дону, 1919. Однако в целом на территориях армий белых деятельность военного духовенства имела довольно скромные размеры: см. *Капков К.Г.* Памятная книга... – С. 40–41.

**AUTHORITIES POLICY TOWARDS REFUSALS
OF MILITARY SERVICE FOR RELIGIOUS REASONS
ON THE EVE OF AND DURING THE WORLD WAR I**

A.B. Astashov

Chair of Modern History of Russia
Russian State Humanitarian University.
Nikolsky Str., 15, Moscow, Russia, 109012

The article analyzes the problem of refusals of military service for religious reasons on the eve of and in the years of the First World War, attempts and the reason of failure of the Russian authorities to solve this problem by legislative, administrative and repressive measures. The problem is presented against a background of the anti-war movement in the army and the efforts of the authorities and military clergy on religious-ideological maintenance of the world war.

Key words: mobilization, refusals of military service in Russia, anti-war movement, religious-ideological maintenance of war, Russian Orthodox Church.